

Документальные очерки

В. П. С МИРНОВ

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПАРИЖА ОТ ГИТЛЕРОВСКИХ ОККУПАНТОВ ¹

ПОД ИГОМ

Летом 1944 г. Париж казался тихим и безлюдным. Четыре года войны и оккупации изменили его облик. По Елисейским полям маршировали немецкие солдаты, на Эйфелевой башне развевался огромный фашистский флаг, в лучших зданиях разместились службы военной администрации и гестапо.

Давно исчезла веселая парижская толпа, опустели магазины, почти не появлялись автомашины. По пустынным улицам Парижа ездили велосипедисты да шли пешеходы, чаще всего женщины — усталые, плохо одетые, в туфлях на деревянных подошвах. Мужчины попадались реже. Около миллиона французов находилось в немецком плену. Еще полтора миллиона были мобилизованы и направлены на принудительные работы в Германию. Многие парижане бежали из столицы.

С каждым днем жить в Париже становилось труднее. Подходили к концу последние запасы топлива и продовольствия. Поезда метро ходили редко. Подача электроэнергии и газа в жилые кварталы почти прекратилась. Перед магазинами с утра выстраивались огромные очереди в надежде получить хотя бы мизерное количество продуктов, которое полагалось по карточкам. Часто продукты в магазинах отсутствовали. Их можно было раздобыть только на «черном рынке» у спекулянтов за бешеную цену.

В городе царил террор. Постановлениями немецкой военной администрации и правительства Виши, сотрудничавшего с оккупантами, строжайшим образом запрещались собрания, забастовки, демонстрации и вообще «скопления на улицах». Смертная казнь угрожала всем, кто участвовал в движении Сопротивления, оказывал помощь французским или союзным военнопленным, отказывался нести караульную службу в пользу оккупантов ². Появляться на улицах было небезопасно. Гестапо и полиция

¹ Освобождению Парижа посвящены десятки книг и сотни статей. Среди них: Н. Г. Цырульников. Парижское восстание 1944 года. — «Новая и новейшая история», 1959, № 1; И. А. Колосков, Н. Г. Цырульников. Народ Франции в борьбе против фашизма. М., 1960, гл. VIII. История освобождения Парижа рассмотрена в коллективном труде сотрудников Института Мориса Тореза («Le Parti Communiste Français dans la Résistance». Paris, 1967) и в воспоминаниях руководителей Парижского восстания. — Ж. Дюкло, А. Толле, П. Вийона, А. Узульяс и др. Из буржуазной литературы — наряду с работой А. Дансетта, выдержавшей более 50 переизданий (A. D a n s e t t e. Histoire de la libération de Paris. 51-e éd. Paris, 1958) — следует упомянуть книги Р. Массье и А. Дени (R. M a s s i e t. La préparation de l'insurrection et la bataille de Paris. Paris, 1945; H. D e n i s. Le Comité parisien de la libération. Paris, 1963). Большой интерес представляют сборники документов и воспоминаний: «Paris, les heures glorieuses. Aout 1944». Montrouge, 1945; «La libération de Paris» (Collection «La Résistance par ceux qui l'ont faite»). Paris, 1964; F. C r é m i e u x. La vérité sur la libération de Paris. Témoignages. Paris, 1971, и др. Автор выражает искреннюю благодарность участникам французского движения Сопротивления, предоставившим в его распоряжение документы из своих личных архивов.

² «Législation de l'occupation. Recueil des lois, décrets, ordonnances, arrêtés et circulaires des autorités allemandes et françaises, promulgués depuis l'occupation», vol. I. Paris, 1940, p. 29—30; vol. II, p. 60—64, 117—188.

Виши часто организовывали облавы. Ночью в Париже действовал комендантский час. До 6 часов утра жителям не разрешалось выходить на улицу. Огромный город замирал. Лишь иногда в ночной тишине раздавались выстрелы или взрывы гранат: это участники движения Сопротивления, в первых рядах которых шли коммунисты, атаковали оккупантов и предателей.

Борьба с гитлеровскими оккупантами была исключительно трудной и беспощадной. За каждого убитого немецкого солдата или офицера оккупанты расстреливали 50—100 заложников из числа французских граждан. Если в руки гестапо попадал участник Сопротивления, его ждали мучительные пытки и смерть. Начальник гестапо во Франции генерал Оберг распорядился расстреливать не только участников Сопротивления, но и всех их родственников по мужской линии, начиная с 18 лет. Родственники по женской линии отправлялись на каторжные работы; дети — в детские колонии³. По законам правительства Виши смертной казни подлежали все члены Французской коммунистической партии или других организаций Сопротивления⁴. За годы оккупации только в Париже гитлеровцы расстреляли 11 тыс. заложников⁵, убили, замучили или бросили в тюрьмы десятки тысяч патриотов.

Два года французы тоскливо ждали, что Англия и США выполнят данное ими обещание об открытии в 1942 г. второго фронта в Европе. Наконец, 6 июня 1944 г. этот день наступил. Англо-американские войска под командованием генерала Д. Эйзенхауэра начали высадку в Нормандии, на северном побережье Франции. 6 тыс. кораблей доставили к французским берегам 4 армии — 37 пехотных и 10 танковых дивизий союзников. Гигантская воздушная армада — 11 тыс. самолетов — прикрывала их с воздуха⁶. Всю ночь с 5 на 6 июня жители французской столицы слышали гул множества самолетов, летевших бомбить немецкие узлы транспорта и связи. «Второй фронт родился июньским утром, когда дул резкий ветер и было необычно холодно. В метро, на улицах царил странное молчание»⁷. Скрывая усмешку, парижане наблюдали, как встревоженно суетятся ненавистные «боши» — немецко-фашистские оккупанты. По почтам, заперев двери и занавесив окна, французы с волнением ловили передачи английского радио, надеясь услышать о наступлении союзников на Париж, до которого оставалось всего 250—300 км.

Сначала сведения были неутешительны. Захватив плацдарм в Нормандии, союзные войска в течение полутора месяцев почти не продвигались вперед. На других участках западного фронта их успехи также были незначительны. Зато с далекого советско-германского фронта приходили радостные известия: Советская Армия развернула стремительное наступление в Белоруссии, Западной Украине, Прибалтике. Гитлеровские войска потерпели сокрушительное поражение на советско-германском фронте. В центре вражеской обороны образовалась гигантская 400-километровая брешь, заполнить которую в короткие сроки гитлеровское командование не смогло. Парижане, отыскивая на карте непривычные названия освобожденных советских городов, могли представить масштабы грандиозной военной катастрофы, постигшей немецко-фашистских оккупантов на советско-германском фронте.

Каким бы разочаровывающим ни был первоначально ход событий на Западном фронте, общая военно-политическая обстановка и, особенно, мощное наступление советских армий внушали французам уверенность, что гитлеровская Германия уже проиграла войну и час освобождения недалек.

ДЕНЬ «ИКС»

Высадка англо-американских войск в Нормандии послужила для французских патриотов сигналом к национальному восстанию. 6 июня 1944 г. Центральный Комитет Французской коммунистической партии обратился к народу с воззванием:

³ P. Bourget, Ch. Lacretelle. Sur les murs de Paris. 1940—1944. Paris, 1959, p. 95.

⁴ «Journal Officiel de l'Etat Français», 24.VI.1943, p. 1714—1715.

⁵ «Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal», vol. VI. Nuremberg, 1949, p. 135.

⁶ «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945». Краткая история. М., 1967, стр. 422—423.

⁷ «Les Lettres françaises», № 17, juin 1944.

«Французы и француженки! Каковы бы ни были ваше социальное происхождение и политические взгляды, Родина требует от нас объединиться, вооружиться и сражаться так, чтобы национальное восстание нашего народа стало грандиозным актом участия нашей страны в совместной борьбе союзников против общего врага и дало Франции неотъемлемое право на восстановление ее свободы, независимости и величия»⁸.

В тот же день по лондонскому радио выступил глава находившегося в эмиграции Временного правительства Французской республики генерал Шарль де Голль. Вопреки настояниям Эйзенхауэра, рекомендовавшего французам «избегать восстаний и бесполезных жертв»⁹, де Голль заявил: «Для сынов Франции, где бы они ни находились, кем бы они ни были, простой и святой долг состоит в том, чтобы сражаться всеми силами, которыми они располагают»¹⁰. Из Лондона были переданы в эфир «персональные послания» вроде: «я иду клевер с четырьмя листиками», «в лесу растет большое дерево». Эти условные фразы служили сигналом для начала боевых операций, подготовленных участниками Сопротивления вместе со штабом генерала де Голля.

Руководящие органы движения Сопротивления, нелегально действовавшие во Франции, — Национальный совет Сопротивления (НСС), Комитет военных действий (КОМАК), Парижский комитет освобождения (ПКО) — призвали французов к восстанию.

Перспектива массового национального восстания крайне встревожила гитлеровских оккупантов и правительство Виши. К началу вторжения немецкое командование, вынужденное сосредоточить свои главные силы на советско-германском фронте, держало на территории Северной Франции, Бельгии и Голландии всего 36 неполностью укомплектованных дивизий, в том числе лишь 3 танковые дивизии. Для прикрытия с воздуха оно могло выделить только 500 самолетов¹¹. Эти силы гитлеровцам пришлось срочно перебрасывать к месту высадки под непрерывными ударами господствовавшей в воздухе англо-американской авиации и французского движения Сопротивления. Особенно эффективными были действия участников Сопротивления, атаковавших отдельные отряды оккупантов, разрушавших их коммуникации и линии связи. После высадки союзных войск активность Сопротивления резко возросла, и небезопасность тыла немецко-фашистской армии стала очевидной. Поскольку основная часть оккупационных войск вела бои в Нормандии и сил у оккупантов не хватало, они попытались предотвратить вооруженное восстание французского народа при помощи политических и демагогических маневров. Стремясь не допустить восстания в Париже, через который проходили главные коммуникации немецких войск, оккупанты опубликовали объявление: «Немецкие власти не намерены вносить ограничения в общественную жизнь Парижа, пока население будет сохранять спокойствие»¹².

Правительство Виши обратилось к населению с таким же призывом. 6 июня 1944 г. по радио было передано заранее заготовленное обращение главы вишистского государства престарелого маршала Петэна. В соответствии с установками немецкого командования Петэн требовал от французов повиноваться правительству Виши и выполнять приказы оккупантов. «Обстоятельства могут вынудить немецкую армию принять специальные меры в зоне сражения. Я вам настоятельно рекомендую примириться с этой необходимостью, — говорил Петэн. — Французы, не увеличивайте ваших несчастий действиями, которые могут навлечь на вас трагические репрессии»¹³. Вслед за Петэном по радио выступил премьер-министр Виши П. Лаваль. Желая предотвратить подъем движения Сопротивления, он внушал французам: «Те, кто требует от вас прекратить работу или зовет вас к мятежу, — враги нашей родины»¹⁴.

Петэн и Лаваль все еще делали вид, что они руководят Францией, но на деле вишистский режим находился в состоянии агонии. После того, как Германия и Италия в ноябре 1942 г. оккупировали всю территорию Франции, правительство Виши утра-

⁸ «L'Humanité», 9.VI.1944.

⁹ D. E i s e n h o w e r. Crusade in Europe. New York, 1951, p. 248.

¹⁰ Ch. de G a u l l e. Discours de guerre, t. III. Paris, 1945, p. 10.

¹¹ «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945». Краткая история, стр. 422—423.

¹² P. B o u r g e t, Ch. L a c r e t e l l e. Op. cit., p. 161.

¹³ «L'Appel du centre», 7.VI.1944.

¹⁴ Ibidem.

тило последние признаки суверенитета: оно лишилось собственной территории, армии и флота. Летом 1944 г. вооруженные силы Виши состояли из одного пехотного полка, полиции, жандармерии, «французских отрядов СС» и «милиции», специализировавшихся на преследовании участников Сопротивления. Правители Виши, связавшие свою судьбу с фашистской Германией, с ужасом видели, как неотвратно приближается поражение гитлеризма и, следовательно, возмездие. Если раньше они добились участия в войне на стороне Германии, то теперь были непрочь отмежеваться от Гитлера, чтобы искать спасения в установлении «дружеских» связей с Англией или США. Многие видные вишисты покидали правительство, бежали за границу или запасалась оправдательными документами на случай победы союзников¹⁵. Чиновники, полицейские, жандармы Виши спешили установить контакты с организациями Сопротивления.

После высадки англо-американских войск Петэн и Лаваль пытались создать впечатление, будто правительство Виши занимает нейтральную позицию. В речи 6 июня 1944 г. Петэн, ранее называвший Англию и США «агрессорами», не сказал ни слова осуждения в адрес союзников, отметив только, что Франция «становится полем битвы». Лаваль осудил союзников («тех, кто говорит, что хочет спасти Францию, но на деле ее разрушает»), однако тут же поспешил заявить: «мы не участвуем в войне»¹⁶.

Только главарь вишистской «милиции», государственный секретарь по поддержанию порядка Ж. Дарнак, запятнавший себя жестокими преследованиями участников Сопротивления, предложил всем «сторонникам порядка» воевать на стороне оккупантов. «Приказ ясен, — заявил он 7 июня 1944 г. — Рассматривайте как врагов Франции франтиреров и партизан, членов так называемой тайной армии и группировок Сопротивления. Атакуйте саботажников, независимо от того, сброшены они на парашютах или нет»¹⁷. По приказу Дарнака, «милиция» и «французские отряды СС» вместе с немецкой полицией развернули боевые действия против участников Сопротивления, но не могли сдержать патриотического подъема французского народа.

Патриоты рассматривали высадку союзников как долгожданный «день Икс», который должен был стать началом восстания. Они атаковали немецких солдат и офицеров, взрывали мосты, разрушали линии связи, порой освобождали целые департаменты. Массы населения, ранее не участвовавшие в активной борьбе, теперь брались за оружие. Отряды франтиреров и партизан (ФТП), руководимые коммунистами, за несколько дней увеличили свою численность в 10 раз: с 25 до 250 тыс. Общая численность вооруженных отрядов Сопротивления — Французских внутренних сил (ФФИ), в которые в качестве составной части входили франтиреры и партизаны, достигла 500 тыс. человек¹⁸. На предприятиях и по месту жительства создавались отряды Патриотической милиции — массового народного ополчения, действовавшего совместно с отрядами ФФИ. В ряде районов вспыхнули восстания. «После 6 июня мы стали свидетелями массовых восстаний от Бретани до Альп и от Пиренеев до Юры»¹⁹, — вспоминал генеральный секретарь ФКП М. Торез. В середине июля 1944 г. 40 из 90 департаментов Франции были охвачены восстанием²⁰.

Только Париж внешне еще казался спокойным.

ВОССТАНИЕ, СОЮЗНИКИ И ДЕ ГОЛЛЬ

Закрепившись в Нормандии и методично наращивая силы, англо-американские войска готовились к наступлению, которое должно было завершиться освобождением Франции. Париж, сердце Франции, один из самых знаменитых городов мира, важнейший политический, экономический и стратегический центр страны, притягивал их как магнит. Особую остроту приобретал вопрос о перспективах восстания в Париже,

¹⁵ R. A r o n. Histoire de Vichy. Paris, 1954, p. 606.

¹⁶ «L'Appel du centre», 7.VI.1944.

¹⁷ «Notes documentaires et études», № 55. Ministère de l'information. Paris, 30.IV.1945, p. 4.

¹⁸ «Histoire du Parti communiste français» (manuel). Paris, 1964, p. 433.

¹⁹ М. Т о р е з. Сын народа. М., 1960, стр. 175.

²⁰ Ш. д е Г о л л ь. Военные мемуары, т. 2. М., 1960, стр. 331.

ибо, как писал де Голль, «Париж, если этому не помешают, решит вопрос о том, какая будет власть во Франции»²¹.

Коммунистическая партия, созданный по ее инициативе Национальный фронт и многие другие организации Сопротивления готовили восстание в Париже, добиваясь, чтобы оно произошло как можно раньше. Вместе с подавляющим большинством французских патриотов они отказывались допустить, чтобы «Париж, который находился в авангарде всех битв за свободу, согласился пассивно повиноваться приказам врага». Участники движения Сопротивления понимали, что вооруженное восстание в Париже не только ускорит освобождение столицы, но и высоко поднимет международный авторитет Франции, тогда как бездействие «было бы смертельным для Франции»²². В соответствии с программой НСС, подписанной всеми основными нелегальными организациями, патриоты предлагали начать восстание, «как только политические и военные условия позволят обеспечить его успех»²³, даже если союзные армии к этому времени еще не достигнут столицы.

Ни англо-американское командование, ни даже руководители Временного правительства не разделяли этих взглядов. Главнокомандующий войсками вторжения генерал Эйзенхауэр, вопреки ожиданиям французских патриотов, не собирался спешить с освобождением Парижа. «Мы хотели избежать превращения Парижа в поле битвы и вследствие этого планировали отрезать и окружить город, принудив таким образом его гарнизон к сдаче»²⁴, — писал он в своих мемуарах. В пользу этого плана выдвигались военные доводы: наступление на Париж привело бы, возможно, к затяжным уличным боям, которые могли задержать наступление союзников и разрушить Париж. Кроме того, взятие Парижа возложило бы на союзников заботу о снабжении многомиллионного города. Однако правительства Англии и США исходили не только из военных соображений. Они руководствовались политическими и классовыми расчетами, которые часто имели решающее значение.

Быстрое освобождение Парижа, сопровождающееся вооруженным народным восстанием, привело бы к нежелательному для англо-американских империалистов усилению влияния компартии и всего движения Сопротивления. Освобождение Парижа потребовало бы решения вопроса о признании Временного правительства де Голля, на которое в Вашингтоне смотрели «как на явление случайное, неудобное и в общем не стоящее того, чтобы с ним считались как с настоящей государственной властью»²⁵. Вводя переговоры с Временным правительством, но официально не признавая его, Англия и США еще не оставили, видимо, надежды на создание в освобожденной Франции союзной военной администрации (по примеру Италии). В американских правящих кругах муссировались планы формирования «переходного правительства», которое могло бы заменить Временное правительство де Голля. С этой целью американские агенты поддерживали тайные контакты с политическими деятелями III Республики и даже с некоторыми вишистами. Англо-американское командование не желало восстания в Париже. Оно «хотело, чтобы силы Сопротивления не торопились и активизировались лишь на подступах к боям за предместное укрепление»²⁶.

Де Голль придерживался другой точки зрения. Он считал желательным национальное восстание, способное ликвидировать режим Виши и привести к власти Временное правительство. Вместе с тем де Голль опасался неконтролируемого, массового народного восстания, которое, по его представлениям, «для кое-кого будет связано с попыткой учредить власть III Интернационала»²⁷. Руководители Временного правительства намеревались осуществить восстание под своим руководством, ограничить его масштабы и начать только при появлении англо-американских войск, которые могли бы помочь французской буржуазии удержать власть. В секретных директивах генерала де Голля специально указывалось, что «вооруженное вторжение сил Сопро-

²¹ Там же, стр. 336.

²² «Les lettres françaises», № 17, juin 1944.

²³ «Programme du Conseil National de la Résistance» (С. N. R.). Paris, 1945, p. 9.

²⁴ D. E i s e n h o w e r. Op. cit., p. 323.

²⁵ Ш. де Г о л л ь. Указ. соч., т. 2, стр. 221.

²⁶ Там же, стр. 328.

²⁷ Там же, стр. 339.

тивления в Парижский район может быть начато лишь в случае поспешного отступления противника под натиском высадившихся войск союзников»²⁸.

Чтобы обеспечить захват и затем удержать власть, де Голль намеревался направить на Париж верные ему воинские части. Кроме того, он заранее назначил своих сторонников на посты правительственных комиссаров, генеральных секретарей и префектов, которые должны были управлять освобожденной Францией. Представители де Голля во Франции, располагавшие монополией на связь с Лондоном и Алжиром (где находилась официальная резиденция Временного правительства), снабжали деньгами и оружием главным образом буржуазно-патриотические группировки Сопротивления, на которые они рассчитывали опереться в борьбе за власть. В то же время созданные компартией боевые отряды ФТП почти не получали оружия, хотя играли ведущую роль в борьбе против оккупантов и вишистов.

Накануне вторжения союзников все представители генерала де Голля, действовавшие во Франции, были объединены в Генеральную делегацию Временного правительства. Руководителем делегации, на которую возлагалось осуществление связи с движением Сопротивления и подготовка к захвату власти, стал генеральный делегат А. Пароди. Сын крупного чиновника и внук довольно известного драматурга, он был до войны докладчиком Государственного совета и директором управления в министерстве труда. Этот осторожный, сдержанный человек, опытный администратор и гибкий дипломат непосредственно руководил «гражданскими делегатами» Временного правительства, которые ведали главным образом подбором кадров для управления освобожденной Францией. Он поддерживал тесные связи с буржуазными деятелями Сопротивления, особенно с председателем Национального совета Сопротивления Ж. Бидо, который, по словам де Голля, «согласовывал свои действия с Пароди и помогал избежать худшего, умело сочетая со своей стороны тактику смелых высказываний с осторожностью поступков». Заместителем Пароди по военным вопросам был национальный военный делегат Ж. Дельмас, направлявший деятельность местных «военных делегатов». Сын предпринимателя, молодой преуспевающий инспектор финансов, журналист и спортсмен, он в 29 лет был произведен де Голлем в генералы. Действуя под псевдонимом «генерал Шабан», он осуществлял контакт с НСС, штабами и комитетами, руководившими деятельностью ФФИ. Дельмас располагал сетью нелегальных радиостанций, контролировал поставки оружия и снаряжения, прибывавшие из Лондона. Энергичный и проницательный, он, как вспоминал де Голль, «был в курсе всех предложений и намерений, и порой ему приходилось вести долгие и малоприятные переговоры, чтобы удержать Совет и комитеты»²⁹, оттянуть восстание до подхода союзных войск.

Много лет спустя, когда Пароди стал вице-председателем Государственного совета V Республики, а Дельмас, принявший фамилию Шабан-Дельмас, занял пост премьер-министра Франции, оба они говорили, что у них не было никаких оснований обвинять коммунистов в попытке использовать национальное восстание для захвата власти³⁰. Однако в решающие дни подготовки и проведения восстания они действовали так, как будто были уверены в обратном.

В результате их действий возник глубокий конфликт между Генеральной делегацией и рядом организаций Сопротивления, конфликт, отражавший столкновение классовых интересов внутри движения Сопротивления.

КОНФЛИКТ

В течение двух с лишним месяцев в подполье Парижа шла напряженная борьба за руководство восстанием, за контроль над вооруженными силами Сопротивления. Высшим органом командования Французских внутренних сил тогда являлся Комитет военных действий, работавший под общим руководством Национального совета Сопротивления. Председателем КОМАК был делегат Национального фронта коммунист П. Вийон. Кроме него в КОМАК входили делегат организаций Сопротивления север-

²⁸ Там же, стр. 835.

²⁹ Там же, стр. 341—342.

³⁰ F. G r é m i e u x. Op. cit., p. 136—137.

ной зоны, бывший офицер и предприниматель граф Ж. де Вогюэ и делегат организаций Сопротивления южной зоны, бывший профсоюзный работник М. Крижель-Вальримон, в то время член компартии. Под руководством КОМАК действовал Национальный штаб ФФИ во главе с коммунистом генералом Жуанвилем (А. Маллере). Вооруженными силами ФФИ Парижского района командовал коммунист полковник Роль-Танги. Ему подчинялся командующий ФФИ Парижа полковник Лизе (де Маргеритт), член организации «Либерасьон». Ведущая роль коммунистов в руководстве вооруженными силами Сопротивления беспокоила Временное правительство и Генеральную делегацию. Желая сохранить руководство вооруженной борьбой в своих руках, де Голль назначил командующим ФФИ своего близкого соратника генерала Кенига, хотя последний не имел никакого опыта подпольной борьбы, находился в Лондоне и мог связываться с частями ФФИ только через Генеральную делегацию. Генерал Кениг приобрел широкую популярность, сражаясь с немецкими войсками в Северной Африке, однако его первые действия в качестве командующего ФФИ разочаровали и встревожили патриотов. На заседании КОМАК 14 июня 1944 г. Шабан-Дельмас огласил «категорический приказ генерала Кенига: учитывая невозможность осуществить в настоящее время снабжение оружием и боеприпасами, максимально сокращайте, повторяю — максимально сокращайте партизанские действия. Создавайте мелкие изолированные группы, а не крупные отряды; повсюду, где это возможно, выходите из соприкосновения с врагом, пока мы не будем в состоянии обеспечить многочисленные поставки оружия по воздуху»³¹. Приказ Кенига грозил парализовать начинавшееся восстание, и члены КОМАК не согласились с ним. Они заявили решительный протест и тут же отдали приказ по войскам ФФИ, предусматривавший «усиление партизанских действий против врага» и подготовку ФФИ «к сотрудничеству с народными массами в целях национального восстания»³².

На следующий день Пароди поставил вопрос о восстании на заседании высшего руководящего органа Сопротивления — НСС. Он утверждал, что «восстание может возникнуть лишь тогда, когда Франция получит от союзников достаточно оружия и когда враг будет достаточно дезорганизован. Всякое значительное выступление сейчас было бы преждевременным», так как военные действия во Франции, видимо, будут продолжаться не менее 10—12 месяцев. Против этой точки зрения решительно выступил председатель КОМАК и член Постоянного бюро НСС Вийон. Человек железной воли и неукротимой энергии, страстный, пламенный, неуправляемый, он заявил: «Каковы бы ни были мотивы, выдвигаемые в оправдание позиции делегации, мы думаем, что она является выражением определенных настроений, в силу которых не хотят приводить в движение народные массы и питают (фактически, если не на словах) явное предубеждение по отношению к народной сущности Сопротивления»³³.

На следующих заседаниях КОМАК Шабан-Дельмас продолжал доказывать, что «национальное восстание должно начаться только тогда, когда дезорганизация вражеской армии пойдет достаточно далеко, чтобы помешать ей использовать еще имеющиеся у нее средства»³⁴. Он отказался признать командные функции КОМАК, заявив, что «командование должно принадлежать генералу Кенигу»³⁵. Члены КОМАК, не отрицая полномочий Кенига, разъясняли, что невозможно руководить из Лондона действиями Сопротивления, которые зависят от местных условий.

Не сумев переубедить членов КОМАК, Генеральная делегация поставила в НСС вопрос об ограничении полномочий КОМАК, а затем — об изменении его состава и полной ликвидации. Шабан-Дельмас потребовал упразднить «централизованное внутреннее командование» и заявил, что директивы Кенига, оружие и снаряжение будут

³¹ «Procès-verbal de la séance du COMAC du 14 juin 1944» (Archives personnelles de P. Villon).

³² M. K r i e g e l - V a l r i m o n t. La libération. Les archives du COMAC (mai-août 1944). Paris, 1964, p. 45—46.

³³ «Mémoire du Comité Directeur du F. N. sur les problèmes actuels de la politique de la Résistance française» (Archives personnelles de P. Villon).

³⁴ «Procès-verbal de la séance du COMAC du 21 juin 1944» (Archives personnelles de P. Villon).

³⁵ «Procès-verbal de la séance du COMAC du 26 juin 1944» (Archives personnelles de P. Villon).

передаваться частями ФФИ через военных делегатов³⁶, минуя КОМАК и Национальный штаб ФФИ.

Одновременно была предпринята попытка сместить полковника Роль-Танги с поста командующего ФФИ Парижского района. На заседании КОМАК 26 июня, проходившем в отсутствие Вийона и Роль-Танги, военная делегация обвинила последнего в «абсолютно необдуманных действиях» и в попытке установить свою «диктатуру». Военный делегат Парижского района отказался сотрудничать с Роль-Танги и заявил, что будет снабжать оружием и деньгами только те организации, которые повинуются его приказам³⁷. Создалась угроза превращения военной делегации в параллельное командование, способное дезорганизовать деятельность ФФИ.

Не доверяя командованию ФФИ, Генеральная делегация решила создать свои собственные, независимые от ФФИ, воинские части. С этой целью она установила связь с полицейскими и жандармами Виши, желавшими перейти на сторону Временного правительства. Около 12 тыс. полицейских и жандармов вошли в состав «правительственных сил»³⁸, готовых действовать по приказу Генеральной делегации. В момент восстания эти сравнительно хорошо вооруженные и вполне «благонадежные», с точки зрения буржуазии, части предполагалось использовать для захвата правительственных учреждений и «поддержания порядка» в столице. Член Генеральной делегации Р. Пре, ведавший связью с «правительственными силами», даже предусматривал «в случае триумфа экстремистов (т. е. коммунистов. — В. С.) отход этих сил на оборонительные позиции вплоть до прибытия союзных армий»³⁹.

Большое волнение патриотов вызвало известие о том, что Временное правительство без ведома и согласия участников Сопротивления коммунистов назначило своих людей на важнейшие посты префекта Парижа и префекта парижской полиции. На заседаниях бюро Парижского комитета освобождения, объединившего все главные организации Сопротивления, действовавшие в Парижском районе, коммунисты энергично протестовали против такой антидемократической практики. Однако представители буржуазно-патриотических организаций предложили примириться с создавшимся положением, ибо «назначение префектов вообще является делом правительства»⁴⁰. Упорнейшие споры по этому вопросу заняли шесть заседаний бюро ПКЮ, но голоса неизменно делились поровну, и в результате назначенные де Голлем префекты остались на своих постах.

Конфликт еще более обострился после того, как по предложению компартии и Национального фронта был образован Центральный совет для руководства Патриотической милицией. Усматривая в этой инициативе попытку создать автономную военную организацию, находящуюся под контролем коммунистов, Генеральная делегация и представители буржуазно-патриотических организаций в НСС потребовали подчинить Патриотическую милицию штабам ФФИ. Вийон не согласился с ними, потому что из-за нападков на КОМАК не был окончательно решен вопрос о командовании ФФИ. «В момент, когда НСС колеблется перед проблемой руководства ФФИ, когда существует опасность, что их вынудят осуществлять политику, которая не соответствует программе действий НСС (немедленные действия, национальное восстание), прежде всего необходимо знать, не хочет ли НСС заставить и милицию следовать такой же политике»⁴¹, — заявил он на заседании Постоянного бюро НСС. В подпольной печати Вийон прямо обвинил военных и гражданских делегатов в попытке «затормозить развитие фактически уже начавшегося национального восстания». Выражая настроения французских патриотов, которые рвались в бой и не боялись неизбежных жертв, Вийон писал: «Наши деревни горят, заложники погибают каждый день, 118 повешенных качаются на балконах Тюлля. Но немецких дивизий не хватает на фронте в Нормандии. Но снабжение врага прервано. Франция сражается. Оставаясь безразличными и аморфными, мы не сможем создать новую, сильную Францию, способную влиять

³⁶ Ibidem.

³⁷ Ibidem.

³⁸ R. M a s s i e t. Op. cit., p. 84.

³⁹ A. D a n s e t t e. Op. cit., p. 125.

⁴⁰ «Le Comité parisien de la libération. Procès-verbal de la 26-ème séance (Archives personnelles d'A. Tollet et A. Obadia).

⁴¹ «Procès-verbal de la séance tenue par le Bureau du C. N. R. le 27 juillet 1944» (Archives personnelles de P. Meunier et J. Debu-Bridel).

на решения союзников и заставить мир услышать свой голос. Мы можем достичь этого, лишь объединяясь, вооружаясь всеми средствами, нанося как можно больше ущерба врагу»⁴².

Спорящие стороны остались на своих прежних позициях, и конфликт продолжался.

14 ИЮЛЯ

С приближением национального праздника Франции, дня взятия Бастилии — 14 июля, встал вопрос о его подготовке. В конце июня — начале июля по инициативе компартии, Национального фронта и Союза французских женщин в Париже и его предместьях состоялось несколько небольших стачек и демонстраций. Их охраняли группы ФТП, которые впервые открыто появились на улицах с оружием в руках⁴³. Сотни прохожих присоединялись к демонстрантам. Полицейские Виши избегали столкновения с ними⁴⁴. Считая, что эти факты свидетельствуют о готовности населения к борьбе, коммунисты предложили отметить праздник стачками и патриотическими демонстрациями, чтобы 14 июля стало «важным этапом на пути к вооруженному восстанию»⁴⁵.

3 июля на заседании КОМАК Роль-Танги доложил, что он «готовит действия к 14 июля»⁴⁶. КОМАК одобрил эту инициативу, но другие руководящие органы Сопровитвления не сразу последовали его примеру. На заседании Парижского комитета освобождения 7 июля 1944 г. председатель ПКО, секретарь Парижского объединения профсоюзов коммунист А. Толле предложил обратиться к населению с призывом атаковать оккупантов и вооружаться за их счет⁴⁷. Его поддержал представитель коммунистической партии А. Ригаль, подчеркнувший, что «борьба народа Парижа против захватчиков может лишь ускорить и облегчить действия союзников». В ответ представитель группы «Либерасьон» заявил, что он «не верит, будто изолированные действия могут чем-либо помочь разворачиванию военных операций». Ссылаясь на медлительность англо-американских войск и утверждая, что в «целом население аморфно», он, вместе с представителем группы «Сэ де ля Резистанс», предлагал прежде всего заняться эвакуацией женщин, детей и стариков из Парижа. Энергичный, живой, напористый Толле, «как бы нарочно созданный для того, чтобы представлять рабочие предместья и промышленные кварталы Парижа»⁴⁸, убедительно показал, что «даже зажиточные люди не могут выехать из Парижа». Остается «единственный выход и единственная возможность — сражаться». Сославшись на недавние стачки и демонстрации, Толле сказал: «Внешне население спокойно, но он вспоминает пример 36 года (Народного фронта.— В. С.), когда еще нельзя было обнаружить, что движение примет такой размах».

Делегат Национального фронта А. Каррель, лично участвовавший в проведении демонстраций 1 июля, выразил уверенность, что «население способно на значительные и даже решающие действия», а предстоящий праздник 14 июля «может стать началом интересного движения»⁴⁹.

Аналогичные дискуссии развернулись в НСС. Постоянное бюро НСС подготовило проект воззвания к 14 июля, содержащий лозунги всеобщей забастовки, вооруженной борьбы и восстания, но против него выступила Генеральная делегация. Утверждая, «что война будет еще долгой и что невозможно быстро вооружить патриотов», Пароди

⁴² «Les Lettres françaises», № 18, juillet 1944.

⁴³ «L'Insurrection parisienne». 19 août — 1944 — 26 août. Paris, [s. a.], p. 5.

⁴⁴ P. V i l l o n. Juin-août 44: pourquoi Paris n'a pas brûlé.— «Démocratie nouvelle», 1964, № 11, p. 59.

⁴⁵ «L'Humanité», 30.VI.1944.

⁴⁶ «Procès-verbal de la séance du COMAC du 3 juillet 1944» (Archives personnelles de P. Villon).

⁴⁷ «Le Comité parisien de la libération. Procès-verbal de la 30ème séance. 7 juillet 1944» (Archives personnelles d'A. Tollet et A. Obadia).

⁴⁸ H. D e n i s. Op. cit., p. 35.‡

⁴⁹ «Le Comité parisien de la libération. Procès-verbal de la 30ème séance. 7 juillet 1944» (Archives personnelles d'A. Tollet et A. Obadia).

предлагал исключить из проекта лозунг: «Атакуйте врага повсюду!»⁵⁰ К нему присоединился делегат социалистической партии Д. Мейер, считавший, что «лозунги, выработанные к 14 июля — особенно всеобщая стачка, намеченная на 15 число, повлекут за собой (если за ними последуют) в этот день национальное восстание», тогда как «такие действия не включены еще в межсоюзный военный план» и могут вызвать лишь бесполезные «репрессии и убийства со стороны оккупантов»⁵¹.

Однако сторонники выжидания не получили поддержки ПКЮ и НСС. ПКЮ призвал парижан превратить 14 июля в «день подготовки национального восстания», показать «Франции и миру, что вскоре мы встретим союзников в освобожденном Париже»⁵². НСС рекомендовал французам бастовать 14 июля весь день, организовывать демонстрации, вывешивать национальные флаги, саботировать военное производство, словом, действовать так, «чтобы 14 июля стало днем, про который потом скажут, что он создал благоприятные условия для победоносного национального восстания»⁵³. 13 июля радиоволны донесли из Москвы обращение Генерального секретаря ФКП М. Тореза, завершавшееся словами бессмертной «Марсельезы»: «К оружию, граждане!»⁵⁴.

14 июля 1944 г. выдалось теплым и пасмурным. Во избежание осложнений правительство объявило его нерабочим днем. В центре, в аристократических кварталах было тихо, но повсюду мелькали цвета французского знамени: синий, белый и красный. Мужчины несли в руках трехцветные букетики; в одеждах женщин сочетались синий, белый и красный цвета: на балконах висели французские флаги. На Елисейских полях, у Триумфальной арки толпилось множество людей, желавших возложить цветы на могилу Неизвестного солдата. Она уже скрылась под массой синих, красных и белых цветов, а их все несли и несли. В народных кварталах и рабочих предместьях Парижа царило боевое настроение. «На площади Мобер тысячи людей поют «Марсельезу». Жители, стоя у дверей, смотрят на них с изумлением: как, значит это возможно! Они выходят из домов и смешиваются с толпой. Из окон бросают цветы. Женщины плачут от радости. Прибывает полиция. Кто-то кричит: «Их 10, а нас 10 тысяч!» Перед такой решимостью полицейские отступают»⁵⁵.

В парижском предместье Витри состоялась демонстрация молодежи, в которой участвовало не менее тысячи человек. «Они шли под руки, рядами по 12—15 человек и пели «Марсельезу». Впереди развевалось огромное трехцветное знамя. С каждой стороны их охраняли два или три бойца ФТП с автоматами в руках. Люди выходили из домов, аплодировали и многие присоединялись к демонстрации»⁵⁶.

Массовые демонстрации прошли в парижских предместьях Иври, Жанвилье, Аржантей; в 5, 15, 17, 18 и 20-м округах Парижа. Самая крупная из них, на улице Бельвиль, собрала около 20 тыс. участников, причем полиция отказалась разгонять демонстрантов, а некоторые полицейские даже присоединились к ним⁵⁷. По самым осторожным подсчетам, в демонстрациях 14 июля участвовали 100—150 тыс. человек⁵⁸. Полиция Виши чаще всего уклонялась от столкновений, зато оккупанты стреляли. Несколько десятков демонстрантов было убито, ранено или арестовано, но эти жертвы вызвали не страх, а негодование парижан. Добиваясь освобождения арестованных во время демонстрации товарищей, железнодорожники депо Витри объявили забастовку, которая вскоре распространилась на другие депо и железнодорожные мастерские. 15 и 16 июля начались забастовки на парижских заводах⁵⁹.

Все эти сведения через сложную цепь связанных стекались к маленькому домику на окраине Парижа, где жила скромная чета рабочих. Лишь очень немногие знали, что

⁵⁰ «Mémoire du Comité Directeur du F. N. sur les problèmes actuels de la politique de la Résistance Française» (Archives personnelles de P. Villon).

⁵¹ «Villiers à Jean Jacques. 7 juillet 1944» (Archives personnelles de J. Debu-Bridel).
Villiers — псевдоним Д. Мейера. Жан Жак — псевдоним Ж. Бидо.

⁵² «Paris, les heures glorieuses», p. 69—70.

⁵³ «Appel du Comité National de la Résistance pour le 14 juillet 1944» (Archives personnelles de J. Debu-Bridel).

⁵⁴ «Oeuvres de Maurice Thorez», t. XX. Paris, 1960, p. 38.

⁵⁵ «Les lettres françaises», № 19, août 1944.

⁵⁶ P. Villon. Op. cit., p. 60.

⁵⁷ «L'Humanité», 21, 28.VII; 1.VIII.1944.

⁵⁸ A. Dansette. Op. cit., p. 119.

⁵⁹ «L'Humanité», 1, 4, 11.VIII.1944.

в задней комнате этого домика работает неуловимый «Фредерик», секретарь ЦК ФКП Ж. Дюкло, который вместе с М. Торезом и Б. Фрашоном возглавлял нелегальное руководство ФКП. Вывод, сделанный компартией из опыта 14 июля, был ясным: «После демонстраций июня и начала июля, которые преследовали цель показать народным массам, что борьба возможна и что надо вовлечь как можно больше мужчин и женщин во все более и более энергичные действия, день 14 июля поднял народную борьбу на высший уровень»⁶⁰. Начавшееся 14 июля стачечное движение уже не прекращалось вплоть до освобождения Парижа. «Численность Патриотической милиции стала стремительно расти. Вступление в боевые группы приняло массовый характер»⁶¹. Решающие события приближались.

В ПОИСКАХ СПАСЕНИЯ

В то время как французские патриоты готовились к освобождению Парижа, в лагере их врагов царило глубокое уныние. Хотя немецкому командованию на время удалось задержать наступление союзников в Нормандии, все понимали, что такое положение не может сохраняться долго. Стремительное наступление Советской Армии на советско-германском фронте не оставляло никакой возможности для укрепления немецких войск на Западе. Германию, зажатую между двумя фронтами, ждало неизбежное поражение, а военных преступников — неминуемая расплата. Фашистские генералы стали усердными читателями списков военных преступников, опубликованных союзными державами. В правящих кругах Германии зрело стремление к сепаратному миру. Даже командующий немецкими войсками на Западе фельдмаршал Рундштедт 1 июля 1944 г. на совещании в ставке Гитлера сказал, что нужно заключить мир⁶². Гитлер немедленно сместил Рундштедта и заменил его фельдмаршалом Клюге, но положение фашистской Германии от этого не улучшилось.

Среди немецкого генералитета и чиновничества возник заговор против Гитлера. Заговорщики намеревались устранить Гитлера и заключить сепаратный мир с Англией и США. К заговору были причастны многие офицеры и генералы, находившиеся на Западном фронте, в том числе командующий оккупационными войсками во Франции генерал Карл-Генрих фон Штюльпнагель.

20 июля 1944 г. заговорщики взорвали бомбу в ставке Гитлера в Восточной Пруссии. В тот же день Штюльпнагель, получив условленный сигнал, приказал арестовать находившихся в Париже офицеров СС и гестапо. В ночь с 20 на 21 июля подчиненные Штюльпнагелю войска взяли под стражу полторы тысячи сотрудников СС и гестапо во главе с генералом Обергом. Однако к утру 21 июля стало известно, что покушение не удалось, и Штюльпнагель приказал освободить арестованных, уверяя, что будто бы ночью войска проводили учения.

В 9 часов утра 21 июля Штюльпнагель получил приказ срочно прибыть в Берлин. Зная, что его ожидает, он пустил себе пулю в висок. Самоубийство не удалось. Изувеченный, лишившийся глаза, но выхоженный врачами, Штюльпнагель предстал перед фашистским судом и был повешен в тюрьме.

Почти одновременно с покушением на Гитлера 25 июля 1944 г. началось наступление союзников во Франции. 31 июля они прорвали немецкую оборону около г. Авранш (в Западной Нормандии). В прорыв ринулись танковые дивизии генерала Паттона. Фельдмаршал Клюге бросил в бой все свои резервы, но не смог остановить союзников. Немецкие войска попали в окружение в районе г. Фалез (примерно в 200 км к западу от Парижа). После упорных боев часть немецких войск вырвалась из кольца, но они понесли большие потери и были вынуждены быстро отступать на восток к Парижу. Убеденный, что потеря Парижа закроет пути отхода отступающим из Нормандии войскам, а в перспективе будет означать потерю всей Франции, Гитлер решил оборонять город любой ценой. Военный комендант Парижа, служивший при Штюльпнагеле, был заменен более надежным человеком — генералом фон Хольтицем, который до того командовал 84-м корпусом, воевавшим в Нормандии. Послужной список Хольтица

⁶⁰ J. D u c l o s. Mémoires, vol. III. Paris, 1970, p. 196.

⁶¹ J. D u c l o s. Op. cit., p. 197.

⁶² В. И. Д а ш ч е в. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы и материалы, т. 2. М., 1973, стр. 539.

не блистал победами: его не раз били на советско-германском фронте, били в Италии и в Нормандии. Но в 1944 г. в фашистской Германии не оставалось небитых генералов, а Хольтиц отличался исполнительностью и не был замешан в заговоре 20 июля.

7 августа толстый, приземистый, обрюзгший Хольтиц появился в «Волчьем логове» Гитлера в Восточной Пруссии. Гитлер, еще не оправившийся от контузии, вызванной взрывом бомбы 20 июля, произвел на Хольтица тяжелое впечатление: его голова дергалась, руки тряслись, слюна текла по подбородку. Он истерически угрожал уничтожить всех заговорщиков и, явно утрачивая представление о реальности, обещал предпринять на Западе контрнаступление, которое должно привести к поражению союзников. Хольтиц получил задание подготовить Париж к обороне, «высвободить для фронта всех боеспособных солдат, удалить все излишние службы и противодействовать мятежному движению»⁶³. Ему предоставили широкие полномочия «генерал-коменданта и командующего войсками Большого Парижа», но войск не дали⁶⁴. Когда 10 августа 1944 г. Хольтиц прибыл в Париж, откуда уже бежали штабные службы оккупантов, в его распоряжении находилось около двух полков пехоты и 34 танка⁶⁵. Хольтиц понимал, что «он не в состоянии оборонять Париж, хотя бы с малейшими шансами на успех»⁶⁶, но вряд ли даже в кошмарном сне мог вообразить, что после войны, проведя два с лишним года в лагерях для военнопленных, он будет претендовать на лавры «спасителя Парижа».

Не успел Хольтиц обосноваться во французской столице, как англо-американское командование нанесло противнику новый мощный удар. 15 августа оно высадило на южном побережье Франции две армии: 7-ю американскую и 1-ю французскую. Чтобы избежать окружения немецких сил, действовавших на юге и юго-западе Франции, Гитлер приказал им отступить. Под непрерывными ударами партизан, преследуемые по пятам союзными войсками, оккупанты поспешно откатывались назад. Немецкая оборона во Франции рушилась. Сплошного фронта более не существовало. Путь на Париж был открыт.

19 августа Гитлер сместил фельдмаршала Клюге с поста командующего Западным фронтом. Получив приказ выехать в Берлин, и убежденный, что его ждет судьба Штюльцнагеля, фельдмаршал отравился. В предсмертном письме к Гитлеру Клюге писал, что «неизбежным следствием отчаянного положения на Востоке» была почти полная изоляция немецких войск на Западе, лишившая их каких-либо шансов на успех. Он заклинал Гитлера «закончить войну и воспрепятствовать в первую очередь тому, чтобы рейх попал в руки большевиков»⁶⁷.

В дни, когда рушился немецкий фронт во Франции, правители Виши метались как загравленные звери. Старый, хитрый маршал Петэн, которому уже шел 89-й год, искал спасения в связях с союзниками или с де Голлем. 22 июля 1944 г. Петэн вызвал в Виши отставного адмирала Офана, который еще в ноябре 1942 г. высказывался за присоединение к союзникам, и поручил ему установить контакт с англо-американским командованием или с генералом де Голлем «с целью решения французских политических проблем в момент освобождения таким способом, чтобы избежать гражданской войны и обеспечить примирение всех французов доброй воли»⁶⁸. Вспомнив, что предложено для получения им неограниченных полномочий послужило обещание подготовить конституцию, Петэн написал приемлемый для англо-американцев проект конституции, провозглашавший необходимость республики и «основных свобод». Замысел Петэна заключался в том, чтобы созвать распущенный им самим парламент III Республики, представить на его рассмотрение проект конституции и «законным» путем осуществить «мирный» переход власти к новому правительству, которое будет пользоваться покровительством США и Англии.

Одновременно Петэн отправил связного к буржуазным деятелям Сопротивления, предлагая «отдать себя под защиту французских внутренних сил и опубликовать заяв-

⁶³ «Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab)». Bd. IV. 1. Januar 1944—22. Mai 1945 (далее — «Kriegstagebuch des OKW»). Frankfurt a/M., 1961, S. 348.

⁶⁴ F. S t r e m i e u x. Op. cit., Annexe XVII, p. 183.

⁶⁵ A. D a n s e t t e. Op. cit., p. 104.

⁶⁶ F. S t r e m i e u x. Op. cit., p. 183 (показание генерала В. Варлимонта).

⁶⁷ В. И. Д а ш и ч е в, Указ. соч., т. 2, стр. 556.

⁶⁸ R. A r o n. Op. cit., p. 688.

ление о своем уходе, посоветовав французам следовать за генералом де Голлем»⁶⁹. В ожидании ответа Петэн запасался оправдательными документами. Учитывая, что правительство Виши в 1940 г. приговорило де Голля к смертной казни «за измену», Петэн сочинил особый меморандум, в котором утверждал, что приговор не предполагалось приводить в исполнение⁷⁰. Желая отмежеваться от зверств «милиции» и «французских отрядов СС», Петэн отправил Лавалю письмо, в котором лицемерно осуждал «атмосферу полицейского террора», установленного «милицией»⁷¹.

Лаваль, скомпрометированный сотрудничеством с оккупантами еще больше, чем Петэн, сам лихорадочно искал выхода из тупика. Он тоже намеревался создать парламент III Республики, чтобы с его помощью сформировать желательное для англо-американцев правительство. Явившись 9 августа в Париж, Лаваль убедил немецкого посла Абеца, который, как и Лаваль, с тоской взирал на будущее, дать разрешение на созыв парламента и освободить содержавшегося под арестом председателя палаты депутатов Эдуарда Эррио. 12 августа Лаваль лично поехал за Эррио и привез его в Париж. По свидетельству Эррио, Лаваль собирался «создать Национальное собрание, сложить свои полномочия и дать мне тем самым возможность заменить его на посту главы правительства, что соответствует желанию американцев»⁷². Несколько дней Эррио оставался в Париже на положении не то гостя, не то пленника, беседовал с Лавалем, завтракал с Абецем, блистал своей незаурядной эрудицией, но уклонялся от каких-либо обязательств. Депутаты бывшего парламента, со своей стороны, не спешили компрометировать себя накануне освобождения, а оккупанты не усматривали в созыве парламента особой выгоды. В конце концов Эррио был снова отправлен под арест и вывезен в Германию. Планы вишистов провалились. Возмездие близилось.

Окончание следует

⁶⁹ Ш. де Голль. Указ. соч., т. 2. стр. 847.

⁷⁰ L. Nogues. Le véritable procès du maréchal Pétain. Paris, 1955, p. 605.

⁷¹ R. Agon. Op. cit., p. 617.

⁷² Э. Эррио. Эпизоды. 1940—1944. М., 1961, стр. 115.